

Опубликовано в журнале: "Нева" 2008, N8

Оригинал здесь: <http://magazines.russ.ru/neva/2008/8/bu20-pr.html>

Помню, как двадцать два года тому назад я в течение нескольких месяцев потерял тестя, ждал потери жены, которой доктора предсказывали неблагоприятные роды, и затем через месяц после рождения потерял сына, скончавшегося в страшных мучениях.

Я был молод, полон веры в себя, но тут как-то все у меня померкло, жизнерадостность куда-то улетучилась, и передо мной вставало все то, о чем я раньше не думал, вставали самые естественные вопросы о жизни, о цели существования моего, и как будто бы я взбирался куда-то по узенькой каменистой тропинке, под моими ногами гвырывались, скользили камешки, падали в бездну, и мне казалось, что вот-вот и я соскользну туда.

На столе стоял маленький гробик, я собирался сегодня хоронить моего первенца, единственного сына, с которым я прожил месяц, наблюдая, как в этом маленьком, невинном существе жизнь боролась со смертью. Страдал я ужасно. Я чувствовал, что я виноват во всем, чувствовал, что жизнь не то, что я так легкомысленно радостно рисовал себе раньше, и без слез я мучительно страдал. Вопросы вырывались за вопросами, а ответы к ним не приходили, и этот грозный, мрачный ряд вопросов, казалось, сейчас задавит меня, задавит и уничтожит бесследно, и я с отчаянием глядел в окно на улицу, видел толпы прохожих, видел, что вокруг совершается еще жизнь, но мне все было чуждо. Я глядел на этот совершенно чуждый мне мир, ничего не замечал и чувствовал, что надо отсюда уйти и этим прекратить дальнейшее зло, которое я делал в жизни, превращая ее из радости в страдание, из красоты в мерзость.

Под окном стоял почтальон и, очевидно, долго уже обращал безуспешно мое внимание на себя. Наконец я взял у него квадратный синий конверт, надписанный совершенно незнакомым мне размашистым, длинным почерком, вскрыл его и, не понимая, от кого бы это могло быть, разыскал на последней четвертой странице подпись имени того человека, который так дорог мне стал в течение остальной моей жизни, -- Лев Толстой.

Эта мрачная шеренга тяжелых, грозных вопросов, которые с таким упрямством и настойчивостью наступали на меня, как будто заколебалась. Я поднял голову, я вдруг увидел, что я, безоружный и совершенно обессиленный, получил подкрепление и в мои руки вложили меч, и, кажется, меч добрый, и, когда я поднялся и встряхнулся окончательно, врага не было. Оставалась мучительная, разламывавшая меня тяжесть напряжения, но я готов был идти дальше, готов был бороться...

И вот прокатилось уже двадцать два года, как я знаю этого человека. И когда я вспоминаю эти годы, вспоминаю разные события, время от времени встряхивавшие меня, погружавшие иногда в пучину отчаяния, безвыходности, снова встает предо мною тот же человек. Когда, казалось, я должен был задохнуться от грязи и мерзости, в которую попал, когда все, казалось, уже отвернулось от меня, дышать было нечем, просвета не было и спасения тоже, я опять услышал голос того же человека, пробуждавший меня к жизни, снова ее чувствовал и начинал жить.

За эти двадцать два года я пережил периоды близости к тому, кто неизгладимо, неразрывно вплеся в мою жизнь, так что иногда мне казалось, я не чувствовал своей жизни, и за это время я часто и неоднократно мог наблюдать интимную жизнь, день за днем, час за часом того человека, которого весь мир называл великим. Говорят, что когда наблюдаешь вблизи великого человека, его повседневную жизнь, то величие это значительно исчезает. Великий человек является обыкновенным, с недостатками, страстями, мелочами и т. п., и постепенно перестаешь ценить тот бриллиант, которым он умеет сверкать перед другими при особенном освещении.

Тогда, следовательно, Л. Н. Толстой не был этот великий человек.

И действительно, я не мог и не могу относиться к этому человеку, как к тому великому, каким его считает мир. Та удивительная, кристальная чистота его души, то высокое напряжение духовной жизни в нем, которое приходилось мне наблюдать и, наблюдая, как бы нечаянно заглядывать в лучший, неведомый еще нам мир духа, не позволяют мне уже видеть того величия, которое видят другие.

В величии, которое одни приписывают другим, кроется всегда та фальшь отношений, при которой возможно всегда отдалиться от этого "великого" человека, считать его чуждым, считать, что он говорит, недостижимо для нас. Величие -- это патент на то, чтобы отдалить от нас этого человека. Но не то со Львом Николаевичем Толстым. Он так страстно шел к источнику жизни, так верил и видел в людях одну высшую жизнь, что, идя сам к ней неизменно, неуклонно, каждый момент своей жизни открывал и другим ее, каждому старался отдернуть ту завесу, которая скрывает этот другой, высший в нас мир, видя который